

СОЦИАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА

DOI: 10.14515/monitoring.2016.3.01

Правильная ссылка на статью:

Каравай А. В. Социальный капитал российских рабочих и их установки в отношении его накопления // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 3. С. 1—15.

For citation:

Karavai A. V. Russian workers: social capital and capital accumulation settings // Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. 2016. № 3. P. 1—15.

А. В. Каравай

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ РОССИЙСКИХ РАБОЧИХ И ИХ УСТАНОВКИ В ОТНОШЕНИИ ЕГО НАКОПЛЕНИЯ

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ РОССИЙСКИХ РАБОЧИХ И ИХ УСТАНОВКИ В ОТНОШЕНИИ ЕГО НАКОПЛЕНИЯ

RUSSIAN WORKERS: SOCIAL CAPITAL AND CAPITAL ACCUMULATION SETTINGS

*КАРАВАЙ Анастасия Вадимовна — научный сотрудник Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС, младший научный сотрудник Института социологии РАН, Москва, Россия.
E-MAIL: karavayav@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-3122-4819*

*Anastasia V. KARAVAI^{1,2} — researcher; junior researcher
E-MAIL: karavayav@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-3122-4819*

¹ Institute for Social Analysis and Forecasting, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration on Academia

² Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Аннотация. Статья посвящена анализу взаимосвязи объема и характера социального капитала, которым располагают российские рабочие, с особенностями их досуга и навыками планирования жизни. Эмпирическая база — данные исследований Института социологии РАН за 2003—2015 гг. Продемонстрировано, что социальный капитал имеет такое же важное для материального положения рабочих и их адаптации в условиях кризиса значение, как и для остальных росси-

Abstract. The paper is devoted to the analysis of relationship between the volume and the character of social capital of the Russian workers, describes their leisure preferences and life-planning skills. The empirical basis of the paper is the data of the studies conducted by the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences in 2003—2015. The study shows that social capital is as essential to workers' well-being and their adaptation amidst the crisis, as to other Russians. Nevertheless, workers posses

ян. Тем не менее, рабочие обладают им реже, чем представители других профессиональных групп, а у тех, кто им все-таки обладает, возможности ресурса их сетей минимальны. Анализ досуговых предпочтений рабочих свидетельствует об отсутствии у них установок на использование свободного времени для наращивания и поддержания социальных контактов. Установлено, что доля рабочих, приверженных наиболее простым формам досуга, на протяжении последних 10—12 лет заметно увеличилась, и этот факт не зависит ни от места жительства, ни от уровня доходов. Такое отношение рабочих к свободному времени связано с характерным для них коротким временным горизонтом и отсутствием навыков планирования жизни хотя бы на год вперед, что напрямую обусловлено особенностями самой жизни и профессиональной деятельности.

Ключевые слова: социальный капитал, рабочие, ресурс сетей, рабочий класс, ресурсный подход, досуг, досуговая активность, стиль жизни, горизонт планирования, планирование жизни

less social capital than the representatives of other professional groups; at the same time, those with social capital have limited resources. The analysis of leisure preferences of workers shows that workers are lacking their free time to build and maintain social contacts. The share of workers who use the simplest forms of leisure has considerably increased over the recent ten or twelve years. This does not depend on the residential area or income. This attitude towards free time is related to short time horizon and lack of planning a year ahead which is due to specifics of the lifestyles and professional activities.

Keywords: social capital, networks' resource, working class, resource approach, leisure, leisure activities, lifestyle, planning horizon, life planning

Теоретико-методологические предпосылки анализа

Затяжной экономический кризис, в котором оказалась Россия, резко актуализировал проблему адаптационных возможностей населения в целом и отдельных социальных групп в частности. Особенно важно оценить немонетарные формы «запаса прочности» тех социальных групп, которые, как российские рабочие, являются, с одной стороны, достаточно массовыми¹, а с другой — пострадали от кризиса сильнее, чем другие россияне [Тихонова, 2015].

Одним из важнейших факторов, влияющих на «запас прочности» человека, особенно в нестабильных условиях, является ресурс его социальных сетей, который

¹ Рабочие, по данным ФСГС РФ, составляли в 2014 г. 35,5% от всех занятых, а численность этой социальной группы достигала 25,4 млн человек [Рассчитано по: ФСГС РФ 2016].

часто характеризуется также как социальный капитал². Стоит напомнить в этой связи, что основоположник ресурсного подхода П. Бурдьё неоднократно обращал внимание на то, что понятие социального капитала было введено им в результате появления необходимости объяснения случаев неравенства в доходах при практически равной обеспеченности другими ресурсами (экономическими или культурными). Сам П. Бурдьё определял социальный капитал как «совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания — иными словами, с членством в группе» [Бурдьё, 2002: 66].

Впоследствии понятие социального капитала получило значительное распространение и развитие. Так, Дж. Коулман [Коулман, 2001] полагал, что взаимодействие людей между собой создает своего рода «доверительные расписки» — обязательства по отношению к тем, кто в свое время оказал им услугу. Дорожа доверием, люди будут «погашать» эти «расписки», оказывая услуги взамен. Более того, согласно Коулману, индивиды должны стремиться наращивать кредит доверия, причем не обязательно путем оказания услуг, но и путем вхождения в различные группы и сообщества, организованные по территориальному, профессиональному и иным признакам, в которых кредит доверия открывается «для своих» автоматически. В статье, посвященной формам капитала, В. Радаев [Радаев, 2002] также говорил о том, что принадлежность к определенному социальному кругу или членство в группе является институциональной основой социального капитала, структура которого складывается из сетей социальных связей.

Роль социального ресурса в российском обществе сложно переоценить — наличие связей напрямую связано с уровнем жизни россиян, их уровнем доходов, наличием сбережений, успешностью адаптации к кризису и т. д. [Тихонова, 2014; Российское..., 2016]. В то же время, ряд исследований показывает, что ресурс сетей в его наиболее ценной форме — связи — у большинства россиян отсутствует. При этом у четверти населения социальный капитал отсутствует вообще в какой бы то ни было форме [Российское..., 2016]. Кроме того, как было показано Е. М. Авраамовой и Т. М. Малевой [Авраамова, Малева, 2014], социальный ресурс играет в России не последнюю роль и в вопросах вертикальной мобильности: чуть менее половины (47 %) россиян в этих вопросах ориентируются исключительно на социальные связи. Такая ситуация, с точки зрения авторов, свидетельствует, что социальный ресурс, по сути, заменяет при реализации определенных целей другие виды ресурсов индивидов (квалификационный, личностный и т. п.).

Учитывая значимость социального капитала и неравенство в обладании им среди российского населения, в своей работе мы сосредоточимся на анализе ресурса сетей российских рабочих, а также их установок в отношении его накопления. И то, и другое, согласно Е. Глейзеру [Glaeser, 2001], можно выявить исходя из досуговых предпочтений человека и его горизонта

² Следуя существующей традиции, мы также будем использовать понятие «социальный капитал» как синоним «социального ресурса» или «ресурса сетей», хотя, строго говоря, понятие «социальный капитал» более узкое понятие, чем «ресурс социальных сетей» — ведь помощь может оказываться в сетях из гуманитарных, альтруистических соображений, и не иметь отношения к экономическим.

планирования³. Соответственно, связь наличия, объема и характера социального капитала, которым располагают российские рабочие, с особенностями их досуга и временного горизонта станет, наряду с характеристикой общих особенностей ресурса их социальных сетей, главным предметом нашего анализа. Под рабочими мы понимаем три группы работников: 1) высококвалифицированных рабочих 5—6 разряда; 2) рабочих средней квалификации и неквалифицированных работников физического труда; 3) рядовых работников торговли и бытового обслуживания⁴. Их специфику мы продемонстрируем на контрасте с группой, качественно отличающейся в плане общей ресурсообеспеченности и обеспеченности социальным капиталом — группы руководителей и профессионалов.

Эмпирической базой анализа послужили несколько исследований Института социологии РАН разных лет, репрезентирующих население страны в возрасте от 18 лет и старше по региону проживания, а внутри регионов — по полу, возрасту и типу поселения. В их числе: 1) исследование «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах» (третья волна) (октябрь 2015 г., $N=4000$ человек, в т. ч. 2736 работающих); 2) исследование «Средний класс в современной России: 10 лет спустя» (февраль 2014 г., $N=1600$ человек, в т. ч. 1079 работающих); 3) исследование «Бедность и неравенства в современной России: десять лет спустя» (апрель 2013 г., $N=1600$ человек, в т. ч. 1164 работающих); 4) исследование «Богатые и бедные в современной России» (март 2003 г., $N=2106$ человек, в т. ч. 1240 работающих), и «Малообеспеченные в современной России: Кто они? Как живут? К чему стремятся?» (март 2008 г., $N=1750$ человек, в т. ч. 1241 работающих).

Возможности ресурса социальных сетей индивидов оценивались нами на основе их субъективных оценок тех форм помощи, которые гипотетически может предоставить им их окружение.

Социальный ресурс российских рабочих

Как показывают данные ИС РАН за конец 2015 года, полным отсутствием ресурса социальных сетей характеризуются в настоящее время 25% рабочих и 16% руководителей и профессионалов. На первый взгляд, разница между этими показателями не очень большая, однако она симптоматична. При более глубоком анализе выясни-

³ Е. Глейзер отмечал [Glaeser, 2001], что рационально действующие акторы принимают решения об инвестициях в социальный капитал исходя из сравнения своих выгод и издержек. При этом выгоды носят преимущественно немонетарный характер, а издержки определяются альтернативной стоимостью времени, которое могло быть потрачено на другие цели. Инвестициями в социальный капитал, таким образом, выступает преимущественно время, затрачиваемое актором на создание и поддержание социальных контактов. Это означает, что досуговые предпочтения человека напрямую связаны с формированием его социального капитала. В числе важных детерминант инвестиций человека в свой социальный капитал Е. Глейзер называет и его горизонт планирования — чем он длиннее, тем с большей вероятностью будут совершаться инвестиции в ресурс сетей.

⁴ Включение нами рядовых работников торговли и бытового обслуживания в число рабочих идет в русле традиции, сформировавшейся в последние десятилетия в зарубежной социологии, когда под влиянием перехода экономики сначала от доминирования вторичного сектора к третичному, а затем и все растущей роли четвертичного сектора резко выросло число наемных работников нефизического труда, занятых в торговле и сфере обслуживания. Многочисленные исследования этой группы привели к доминированию в западной социологической литературе убеждения, что ее представителей характеризуют те же поведенческие паттерны и особенности мировоззрения, что и «традиционных» рабочих. Это позволяет объединять их в одну группу, и далее мы будем рассматривать их именно в таком качестве, а в тех случаях, где внутригрупповые различия будут встречаться, мы будем останавливаться на них отдельно.

лось, что основные различия между представителями рассматриваемых профессиональных групп заключаются не в наличии или отсутствии у них социального капитала, а в его потенциале. Как показано в табл. 1, рабочие могут, в основном, обратиться к своему окружению за небольшими займами или в поисках дополнительного приработка; руководители и профессионалы обладают социальными сетями с большим спектром возможностей. При этом столь важные в современной экономике возможности, связанные с сохранением и наращиванием человеческого капитала, у руководителей и профессионалов встречаются в разы чаще, чем у рабочих.

Таблица 1. Возможности социальных сетей представителей некоторых профессиональных групп, ИС РАН, 2015 г., % от ответивших (ранжировано по рабочим)

Могут обратиться к своему окружению, чтобы:	Рабочие	Руководители и профессионалы	Работающие в целом
Найти приработок	46	28	37
Взять в долг до 100 тыс. рублей	41	43	42
Найти хорошего врача	17	37	26
Устроиться на хорошую работу	13	20	17
Устроить ребенка в хорошую школу*	6	22	13
Решить жилищную проблему	5	8	7
Получить доступ к должностным лицам	5	10	7
Взять в долг более 100 тыс. рублей	4	11	7
Поступить в хороший вуз*	4	9	7
Продвинуться по карьерной лестнице	4	8	6

* Процент от тех, кто имел несовершеннолетних детей.

Рассматриваемый спектр возможностей использования ресурсов социальных сетей можно с помощью факторного анализа (использовался метод Варимакс с двойным вращением) разделить на несколько их подгрупп, скрывающих за собой разные разновидности социального ресурса (табл. 2). Первая разновидность — **полное отсутствие** каких-либо возможностей помощи со стороны сетей. Вторая — **простейшая** — разновидность социального ресурса объединяет две наиболее распространенные и наименее обременительные для контрагентов по сетям формы помощи в виде подсказок в поиске приработка или одалживания небольших сумм на текущее потребление⁵. Более редкие и широкие возможности сетей включают в себя поиск хорошего врача и/или устройство ребенка в хорошую школу, и характеризуют третий тип ресурса сетей, который условно можно обозначить как **удовлетворение социальных потребностей**. Еще одна разновидность социального ресурса — **связи**, позволяющие найти хорошую работу, помочь поступить в нужный вуз, решить жилищные проблемы и т. п. Наконец, наименее редкий и одновременно наиболее ценный вид социального ресурса — **дефицитные**

⁵ Согласно результатам факторного анализа, две эти формы ресурса сетей являются взаимоисключающими. Однако по своей сути обе они являются видами помощи, направленными на поддержание текущего потребления, но не открывающими перед индивидом новых жизненных возможностей. Исходя из этих соображений, мы и объединили их в одну разновидность ресурса сетей.

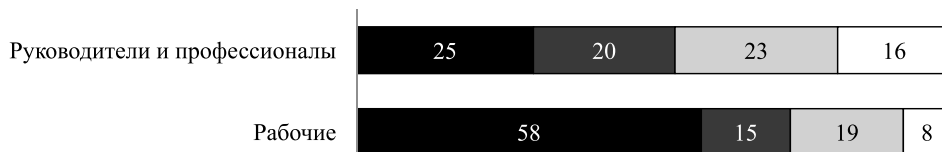
СВЯЗИ, открывающие доступ к должностным лицам для решения своих проблем и/или позволяющие занимать крупные суммы денег.

Таблица 2. **Результаты факторного анализа форм помощи со стороны социальных сетей, ИС РАН, 2015 г.**

Возможности форм помощи со стороны социальных сетей	Компонент			
	1	2	3	4
Взять в долг до 100 тыс. рублей	0,782	-0,293	-0,194	-0,148
Писк приработков	-0,772	-0,258	-0,105	-0,191
Устройство детей в хорошую школу	0,084	0,458	0,435	-0,077
Обращение к хорошим врачам	-0,049	0,847	-0,143	0,081
Продвижение по карьерной лестнице	-0,081	-0,043	0,597	-0,016
Устройство на хорошую работу	-0,117	0,046	0,588	0,065
Решение жилищной проблемы	0,054	-0,161	0,556	0,049
Поступление в хороший вуз	0,096	0,243	0,548	0,064
Взять в долг более 100 тыс. рублей	0,11	0,153	0,118	0,589
Содействие в доступе к должностным лицам	-0,084	-0,118	-0,039	0,843

По результаты факторного анализа с использованием метода «нарастающего итога» построен индекс потенциала социального капитала индивида, где каждая последующая его разновидность включала в себя и все предыдущие возможности. Например, такая разновидность социальных сетей, как «связи», допускала наличие и тех возможностей, которые давало «удовлетворение социальных потребностей», а оно, в свою очередь, содержало в себе «простейший» вид социального ресурса. Таким образом, обладателям «дефицитных связей» был полностью доступен весь спектр рассматриваемых возможностей социальных сетей, хотя это не значит, что каждый обладатель дефицитных связей обязательно располагал всеми остальными формами помощи со стороны своих социальных сетей.

Какая же разновидность социального капитала в наибольшей степени характерна для российских рабочих? Как показано на рис. 1, даже имеющие ресурс сетей рабочие, в большинстве своем с помощью окружения могут лишь восполнить нехватку средств на текущее потребление. Что же касается помощи, которая в перспективе открывает больше возможностей как перед ними самими, так и перед их детьми, создавая для них дополнительные жизненные шансы, то таким высокопотенциальным ресурсом сетей обладают совсем немногие представители данной профессиональной группы.

■ Простейший ■ Удовлетворение социальных потребностей □ Связи □ Дефицитные связи
Рис. 1. Разновидности ресурса сетей представителей некоторых профессиональных групп россиян, ИС РАН, 2015 г. % от имевших ресурс сетей

Кроме того, покогортный анализ показывает, что во всех возрастных группах более половины рабочих, у которых в принципе есть ресурс сетей, он относится к простейшей его разновидности (от 48 % в самой младшей возрастной группе до 30 лет до примерно двух третей (60—65 %) во всех остальных возрастных группах). То же самое касается и групп рабочих, выделенных по уровню их доходов: не менее чем у 60 % представителей самых разных доходных групп потенциал ресурса сетей соответствует простейшей его разновидности. Среди руководителей и профессионалов, обладающих ресурсом сетей, простейшая его разновидность наблюдается менее чем у трети, в т. ч. и во всех возрастных группах, рассматриваемых по отдельности. В группах же, выделенных по уровню доходов, данный показатель не превышает для руководителей и профессионалов 47 %. Таким образом, низкий потенциал ресурса сетей большинства рабочих зависит не столько от их возраста или материального положения, сколько определяется именно их профессиональным статусом.

Анализ внутригрупповых вариаций показал, что рядовые работники торговли и бытового обслуживания несколько отличаются от «традиционных» рабочих в плане обеспеченности ресурсом сетей — этим ресурсом обладают 68 % из них против 76 % среди высококвалифицированных рабочих и 79 % среди рабочих с 4 разрядом и ниже. Однако, как показано на рис. 2, потенциал социальных сетей рядовых работников торговли и бытового обслуживания по сравнению с «традиционными» рабочими выше, и чаще позволяет не только найти средства на текущее потребление, но и удовлетворить свои социальные потребности. В то же время связи, в том числе и дефицитные, встречаются во всех подгруппах профессионального рабочего класса одинаково редко, особенно по сравнению с руководителями и профессионалами. Кроме того, если учесть меньшую распространенность среди рядовых работников торговли и бытового обслуживания обладания каким бы то ни было ресурсом сетей, то доли обладателей социального капитала в форме, обеспечивающей удовлетворение социальных потребностей или доступ к связям, в абсолютном выражении заметно сближаются. Это свидетельствует о близости представителей «традиционных» рабочих с рядовыми работниками торговли и бытового обслуживания в плане их общей обеспеченности социальным ресурсом.

Рисунок 2. Разновидности ресурса сетей представителей некоторых подгрупп рабочих, ИС РАН, 2015 г. % от тех, кто обладает этим ресурсом

Меньшая распространенность ресурса сетей и более низкое его качество в рабочей среде, чем среди руководителей и профессионалов, не только сокращает набор их жизненных шансов в обычное время, но и резко уменьшает их адаптационные возможности в условиях экономических кризисов. Как видно из данных ИС РАН 2015 г., группы, различающиеся качеством их социального капитала, различаются и по своему социально-экономическому положению в обществе, и по степени устойчивости их положения в кризисных ситуациях. Из табл. 3 видно, что самая большая доля пострадавших от кризиса наблюдается среди россиян с полным отсутствием ресурса социальных сетей, а наименьшая — среди обладателей таких его разновидностей как различные виды связей. При этом из данных таблицы видна также роль в адаптации как экономического фактора (доходы и сбережения), так и профессионального.

Таблица 3. **Влияние кризиса на россиян, характеризующиеся различными видами социального ресурса, 2015 г., в %**

Влияние кризиса	Виды социального ресурса				
	Отсутствует	Простейший	Удовлетворение социальных потребностей	Связи	Дефицитные связи
Рабочие					
Вообще не проиграли или даже выиграли	7	11	11	16	25
Не понесли существенного ущерба	35	43	29	46	52
За год материальное положение осталось неизменным или улучшилось	42	47	45	64	66
Имеют сбережения	12	25	31	31	42
Доход (медианный среднедушевой)	12 000	13 000	13 000	15 000	19 000
Руководители и профессионалы					
Не проиграли или даже выиграли	6	13	11	23	20
Не понесли существенный ущерб	38	39	38	64	60
За год материальное положение осталось неизменным или даже улучшилось	52	45	47	68	72
Имеют сбережения	25	36	50	55	63
Доход (медианный среднедушевой)	14 500	16 000	19 000	20 000	21 000

Из таблицы 3 видно и то, что наличие и характер социального ресурса россиян тесно связаны с наличием у них других видов ресурсов, прежде всего экономического (доходы и сбережения), а также общим уровнем благосостояния. Статистический анализ также показывает взаимосвязь видов социального ресурса (ранжированных по широте возможностей, которые они предоставляют) и уровня доходов (коэффициент корреляции Спирмена 0,240 при уровне зна-

чимости не ниже 0,01), занимаемыми профессиональными позициями (0,213), а также наличием других видов ресурсов⁶.

Досуговые предпочтения и горизонт планирования рабочих в России

Рассмотрим теперь особенности досуговой активности рабочих, поскольку, как отмечалось выше, она тесно связана с социальным капиталом человека. Очевидно, что из всех форм досуга формированию ресурса сетей больше способствуют те, которые связаны с социальными контактами. В этом контексте существенно, что, по данным ИС РАН, в 2014 году лишь 57 % рабочих тратили свободное время на формы досуга, способствующие наращиванию социального ресурса (табл. 4) (и это включая такие виды досуга, как посещение кафе, баров и ресторанов, а также встречи с друзьями; если же их исключить из расчета, цифра снизится до 19%). Среди руководителей и профессионалов доля тратящих свободное время на формы активности, способствующие формированию социального ресурса, составляет 73 % и 44 % соответственно. Среди рабочей молодежи до 30 лет 74 % посвящают свободное время (без учета посещений кафе, баров и ресторанов, общения с друзьями — 34 %) видам досуга, способствующим наращиванию социального ресурса, в то время как среди профессионалов и руководителей того же возраста аналогичный показатель составляет 82 % (без учета посещений кафе, баров, ресторанов и общения с друзьями — 61 %). Если же рассматривать работающих россиян с доходами менее медианы в своих типах поселений, то здесь практикуют досуг, направленный на наращивание социального ресурса, 53 % (13 % рабочих и 69 % (37 %) руководителей и профессионалов). Таким образом, предпочтения рабочих в отношении использования свободного времени не оставляют сомнений, что у них слабо представлены формы активности, способствующие наращиванию социального ресурса. Такое отношение к досугу не способствует высокому потенциалу социальных сетей рабочих, хотя и не является единственной причиной, влияющей на объем социального капитала рабочих.

Таблица 4. **Приоритеты представителей различных профессиональных групп в области проведения своего досуга, ИС РАН, 2014 г., % от ответивших**

Виды досуга, способствующие наращиванию ресурса сетей	Рабочие	Руководители и профессионалы	Работающие в целом
Встречаются и общаются с друзьями дома или в гостях	49	57	52
Посещают театры, концерты, кино	9	29	16
Посещают кафе, бары, рестораны	12	22	15
Посещают спортклубы, секции, тренировки	7	13	9
Посещают музеи, выставки, вернисажи	2	13	7

⁶ Это позволяет высказать гипотезу о том, что интерес в социальных сетях представляют в первую очередь люди, сами обладающие определенными ресурсами. Таким образом, и в российских условиях ресурс сетей обычно (хотя и не всегда) можно рассматривать не просто свидетельство наличия в окружении человека людей с альтруистической мотивацией, а как актив или капитал, который участвует в процессах межсемейных трансфертов и конвертируется в другие виды капитала, прямо влияя на общий «запас прочности» человека.

Продолжение табл. 4

Посещают дискотеки, ночные клубы, другие развлекательные мероприятия	6	5	6
Участвуют в работе общественных организаций, собраний, ассоциаций	1	4	2
Посещают политические организации, собрания, митинги	1	3	2
Занимаются в различных кружках, клубах по интересам	1	2	1
В целом досуг, способствующий наращиванию ресурса сетей	57	73	64

Как же проводят свободное время российские рабочие, если не считают необходимым тратить его на наращивание и поддержание своих социальных контактов? В этой связи стоит напомнить, что в социологической литературе существует подход, разработанный Н. М. Давыдовой [Давыдова, 2004] и впоследствии развитый Н. Н. Седовой [Седова, 2009], который выделяет три основных типа досуговой активности: простой, традиционный и активный. Самым доступным типом досуга, не требующим дополнительных затрат, являются его домашние формы: просмотр телевизора, домашние дела, просто ничегонеделание — при отсутствии любых других видов времяпрепровождения эти виды деятельности представляют собой простой тип досуговой активности. Добавление к этим домашним занятиям любых увлечений, требующих дополнительных усилий, включая чтение периодики и книг, прогулки, активный отдых на природе, общение с друзьями делает его насыщеннее и интереснее. Этот тип досуга является наиболее распространенным в России и получил название «традиционного». И, наконец, наиболее богат и разнообразен активный тип досуга, включающий в себя множество спортивных, культурных и образовательных вариантов времяпрепровождения.

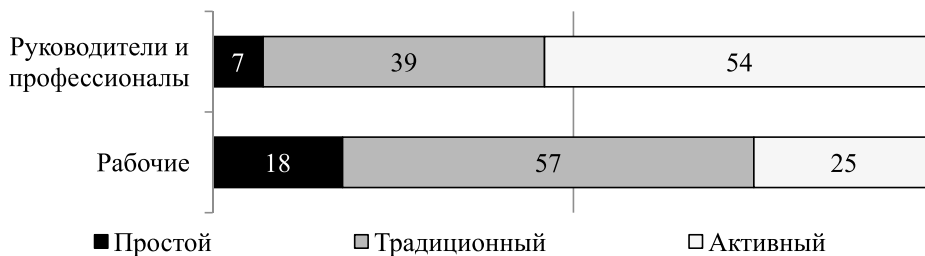

Рис. 3. Типы досуговой активности представителей некоторых профессиональных групп россиян, ИС РАН, 2014 г., % от ответивших

Согласно данным ИС РАН за 2014 год, в выборе вариантов времяпрепровождения представители рабочего класса значительно отличаются от руководителей и профессионалов. Как показано на рис. 3, подавляющее большинство рабочих практикует традиционный тип досуговой активности, в отличие от представителей руководителей и профессионалов, свыше половины которых предпочитают разнообразное и активное времяпрепровождение. Даже среди рабочей молодежи до 35 лет менее 40% (при 60% у руководителей и профессионалов) практикуют

активный тип досуга. И такие предпочтения зависят скорее от профессионального статуса, чем от материального положения. Среди россиян с доходами ниже медианных в своем типе поселения 20 % рабочих и 48 % руководителей и профессионалов придерживаются активного времяпрепровождения, в группе с доходами от 1 до 1,5 медиан, аналогичные показатели составляют соответственно 27 % и 47 %, а в высокодоходной группе с доходами свыше 1,5 медиан — 34 % и 68 % соответственно. Отметим также, что анализ досуговых предпочтений рабочих, рядовых работников торговли и бытового обслуживания не показал сколь угодно значимых различий в числе сторонников того или иного типа досуга, что позволяет говорить о близости установок представителей этих профессиональных групп и в отношении своего времяпрепровождения.

Выбираемые рабочими способы использования свободного времени не способствуют наращиванию и сохранению не только их социальных контактов, но также образовательного и культурного уровня: 1 % посвящает свободное время самообразованию, 2 % уделяют его культурно-просветительным мероприятиям (выставкам, музеям и пр.), 8 % посещают концерты, театры и кино, художественную литературу читают 20 %. В то время как среди руководителей и профессионалов доля практикующих такие виды досуга, составляет соответственно 13 %, 14 %, 29 % и 41 %. Среди работающих россиян, придерживающихся модели активного времяпрепровождения, предпочтения рабочих и «белых воротничков» качественно различаются. Например, рабочие с активным типом досуга чаще тратят свободное время на посещение баров и ресторанов (48 % против 40 %), а также ночных клубов и других развлекательных мероприятий (24 % против 9 %); они заметно уделяют внимание посещению музеев и выставок (9 % против 25 % среди руководителей и профессионалов), самообразованию (6 % и 25 % соответственно) и посещению кино, театров и концертов (37 % и 53 %).

Конечно, мы не хотим тем самым сказать, что профессиональная принадлежность — единственный значимый фактор выбора форм досуговой активности или характера социального капитала человека. Так, корреляционный анализ с использованием коэффициента Спирмена показывает, что досуговые предпочтения россиян в значительной степени определяются возрастом — чем старше человек, тем реже он привержен времяпрепровождения активного типа (табл. 5). Помимо возраста, значимым фактором является тип поселения, т. к. кардинально отличаются возможности жителей городов и сел по выбору досуга. Что касается профессионального статуса, то для рабочих оказываются незначимы все рассматриваемые «внешние» факторы, влияющие на выбор типа досуговой активности, за исключением возраста. Выбор руководителей и профессионалов в области досуговых предпочтений значимо связан, прежде всего, с типом поселения и, хотя и в меньшей степени, с их уровнем дохода. Другими словами, *выбор способов времяпрепровождения зависит от их финансовых возможностей и существующей в их типе поселения досуговой инфраструктуры, в то время как предпочтения рабочих в области досуга определяются преимущественно возрастом. Рабочие, придерживающиеся активного образа жизни, предпочитают тратить свое время на простейшие развлечения, не рассматривая его в качестве ресурса, который может быть направлен на расширение жизненных возможностей.*

Таблица 5. Коэффициенты корреляции Спирмена между типами досуговой активности и факторами их выбора, ИС РАН, 2014 г.

Факторы	Тип досуговой активности		
	Для всей выборки	Только среди рабочих	Только среди руководителей и профессионалов
Возраст	-0,318**	-0,256**	-0,158**
Принадлежность к группе руководителей и профессионалов	0,255**	—	—
Тип поселения	0,214**	0,125	0,177**
Принадлежность к группе рабочих	-0,193**	—	—
Проживание в городе	0,184**	0,087	0,170**
Уровень дохода относительно медианы в своем типе поселения	0,158**	0,009	0,142*

* Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).

** Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

Предрасположенность рабочих к простому досугу не только является их общей характерной особенностью, но и распространяется на все большее число представителей данной профессиональной группы. Если в 2003 г. сторонниками простого типа времяпрепровождения были лишь 10% рабочих, то в 2008 г. их стало 16%, а в 2014 г. — 18% (среди профессионалов аналогичные показатели составляют 2%, 6% и 8% соответственно). Заметно сократилась доля рабочих, являющихся приверженцами активного образа жизни — с 31% в 2003 г. до 25% в 2014 г. (среди руководителей и профессионалов эти показатели составили, соответственно, 62% и 54%). В группе рабочей молодежи до 35 лет количество «домоседов» за 11 лет выросло в 2 раза (с 6% до 13%) при том, что среди «белых воротничков» этот показатель остался практически неизменным (3—4%). Среди рабочей молодежи сократилось на 9 п. п. количество сторонников активного досуга (с 46% в 2003 г. до 37% в 2014 г.), правда среди «белых воротничков» того же возраста их стало меньше даже на 12 п. п. (падение с 72% до 60%). Очевидно, что рабочие, как и другие россияне, затронуты процессом общего «оскудения» досуга. Однако если руководители и профессионалы отказываются от активного времяпрепровождения в пользу традиционного, то среди рабочих, и даже среди рабочей молодежи, существует тревожная тенденция ухода в наиболее простые формы домашнего досуга, что определенно не способствует улучшению качества их человеческого и социального ресурсов, требующих инвестиций, прежде всего, именно в виде свободного времени.

Вопрос о причинах такой ситуации не является в данной статье специальным предметом рассмотрения. Тем не менее, одну из причин, тесно связанную с культурным капиталом (в трактовке его П. Бурдьё [Бурдьё, 2002]), мы все же не можем не упомянуть. Речь идет о временном горизонте рабочих. Мы уже говорили выше об экономической модели формирования социального капитала Е. Глейзера [Glaeser, 2001], предполагающей, что одним из факторов, влияющих на принятие решения об инвестициях в социальный капитал, является горизонт планирования человека. Мы можем, опираясь на имеющиеся у нас эмпирические данные, расширить это утверждение, сказав, что горизонт планирования человека

напрямую связан с его инвестиционными решениями относительно всех видов его ресурсов. И хотя решения эти принимаются, как правило, бессознательно, роль длительного горизонта планирования для качества социального капитала велика (рис. 4). Факт наличия ресурса сетей также тесно связан с временным горизонтом — достаточно сказать, что среди тех, кто вообще не планирует свою жизнь, каждый третий лишен ресурса сетей в какой бы то ни было форме. Среди тех, кто склонен к долгосрочному планированию жизни (т. е. планирует ее на 5 лет и более) полное отсутствие социального капитала встречается в четыре раза реже.

Рисунок 4. Разновидности социального капитала россиян с различным горизонтом планирования, ИС РАН, 2015 г., % от тех, кто обладает ресурсом сетей

Если же отдельно рассмотреть группу рабочих, то из того, что уже было сказано выше, а также показано в других исследованиях [см., например, Аникин, 2012; Каравай, 2015], следует вывод, что рабочие предпочитают жить «здесь и сейчас». Они в массе своей не ставят перед собой задачи наращивать или хотя бы сохранять свои ресурсы, и не склонны к стратегическому планированию как таковому. Согласно данным ИС РАН за 2014 г., без малого 60% рабочих вообще не планируют свою жизнь даже на год вперед (при 39% среди руководителей и профессионалов). Эта их особенность прослеживается во всех группах рабочих, выделенных по материальному, возрастному или поселенческому признаку, — везде не менее половины их представителей не демонстрируют склонности к планированию жизни даже на столь короткий период. Исключение составляют те рабочие, чьи доходы превышают 1,5 медианы в их типах поселений — среди них чуть более 60% планируют свою жизнь не менее чем на год вперед (среди руководителей и профессионалов при этом аналогичный показатель заметно выше и составляет 71%). Впрочем, это исключение является лишь подтверждением того, что материальное благосостояние и склонность к стратегическому планированию положительно связаны между собой, и что рабочие отличаются пониженной склонностью к планированию в силу формирующих соответствующие культурные нормы особенностей их трудовой деятельности (задания им выдаются обычно «сверху» и предполагают короткий временной промежуток выполнения) и ограниченности ресурсов, прежде всего финансовых, а не сознательного пренебрежения этими вопросами. Именно потому, что отсутствие установки на планирование жизни является для них передающейся из поколения

в поколение культурной нормой⁷, отношение к свободному времени, являющемуся одним из важных ресурсов человека, демонстрирует ту же закономерность связи склонности к планированию и наличия или качества соответствующего ресурса: практики планирования жизни придерживаются 29% рабочих — сторонников простого досуга, 40% тех из них, кто ведет традиционный образ жизни, и, наконец, 52% приверженцев активного времяпрепровождения.

Выводы

Наше исследование показало, что среди рабочих социальный капитал имеет такое же важное для материального положения значение, как и для остальных россиян, в том числе — и в плане адаптации к условиям экономического кризиса. Однако около четверти рабочих не обладают ресурсом сетей, а потенциал возможностей сетей остальных ограничен минимальными возможностями помощи — в виде небольших займов или поиске приработков. Эти особенности ресурса сетей рабочих мало зависят от их возрастных характеристик или материального положения и определяются именно их профессиональной принадлежностью.

Инвестиции в социальный ресурс (в виде потраченного на создание и поддержание контактов времени) среди рабочих способствуют его более высокому потенциалу. Однако анализ предпочтений рабочих в отношении форм использования свободного времени показывает, что установки на использование свободного времени для наращивания своего социального ресурса у них выражены слабо, особенно по сравнению с руководителями и профессионалами. Досуг большинства рабочих ограничен домашними формами времяпрепровождения или простыми развлечениями, не подразумевающими саморазвития. Если для руководителей и профессионалов основными барьерами к увеличению разнообразия досуга являются финансовые возможности или ограничения, связанные с типом поселения, то выбор рабочих в пользу простых форм досуга зависит только от возраста. Более того, проследив изменения в досуговых предпочтениях рабочих за последние 12—13 лет, мы можем сказать, что они, как и другие россияне, затронуты ом общего «оскуднения» досуга. Однако если руководители и профессионалы отказываются от активного времяпрепровождения в пользу традиционного его типа, то среди рабочих существует тревожная тенденция ухода в наиболее простые формы домашнего досуга.

Одним из важных факторов, обуславливающих отношение рабочих к своим ресурсам, в том числе и такому ресурсу как время, выступает горизонт планирования. Слабая готовность к стратегическому планированию связана с общей низкой ресурсообеспеченностью рабочих и их отношением к себе, своей жизни в целом и ресурсам в частности. Однако, хотя стратегическое планирование практикует меньшая часть этой профессиональной группы, отсутствие у них соответствующих установок и навыков не их вина — это прямо обусловлено особенностями их жизни и профессиональной деятельности. В отличие от руководителей и профессионалов, по роду своей работы обязанных, как правило, иметь достаточно высокую автономность труда и планировать его содержание на длительный период (обычно на год), рабочий обычно выполняет конкретные задания и не планирует деятельность на ме-

⁷ У 55% рабочих родители также были рабочими.

сяцы вперед. Это способствует появлению привычки «жить сегодняшним днем», которая закрепляется в поколениях, поскольку сегодняшние рабочие в основном выходцы из рабочей же среды. Не способствует выработке длительного горизонта планирования у рабочих и привычка жить «от зарплаты до зарплаты» в силу низкого уровня доходов, также воспроизводящегося на протяжении поколений.

Список литературы

Аврамова Е. М., Малева Т. М. О причинах воспроизводства социально-экономического неравенства: что показывает ресурсный подход // Вопросы экономики. 2014. № 7. С. 144—160.

Аникин В. А. Поведение по отношению к своему человеческому капиталу основных социально-профессиональных групп российского общества // Модернизация экономики и глобализация. 2012. № 3.

Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 5. С. 60—74.

Давыдова Н. М. Досуговые предпочтения населения в пореформенной России. Изменяющаяся Россия в зеркале социологии. М., 2004.

Каравай А. В. Российские рабочие: финансовое поведение и установки // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2015. № 2 (125). С. 83—96.

Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 122—139.

Радаев В. В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 4. С. 20—32.

Российское общество и вызовы времени. Книга третья / отв. ред. Горшков М. К., Тихонова Н. Е. М. : Издательство «Весь Мир», 2016.

Седова Н. Н. Досуговая активность граждан // Социологические исследования. 2009. № 12. С. 56—69.

Тихонова Н. Е. Социальный капитал как фактор неравенства // Общественные науки и современность. 2004. № 4. С. 24—35.

Тихонова Н. Е. Социальная структура России: теории и реальность. М. : Новый Хронограф : Ин-т социологии РАН, 2014.

Тихонова Н. Е. Явные и неявные последствия экономических кризисов для россиян // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 16—27.

ФСГС РФ. Официальный сайт. Численность занятых в экономике по полу и занятиям [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_force/# (обновлено 08.05.2015, дата обращения: 13.03.2016).

Glaeser E. The formation of social capital // Canadian Journal of Policy Research. Vol. 2. № 1. 2001.